P 56
1099

Р 56
1093 зах.

ПОЛТОРАСТА ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Воцареніе императрицы Анны Іоанновны.

Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Казань. 1880, XLIII+303 стр. Приложенія 88 стр.

Архивная разработка русской исторіи послѣ Петровскаго времени началась сравнительно недавно, не болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Нельзя сказать чтобы наши оффиціальные архивы просторно открывали съ тѣхъ поръ свои двери отечественнымъ ученымъ. Они представляютъ собою до сего времени святилище, куда допускаютъ лишь избранныхъ, особенно государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ и главный въ Москвѣ. А въ нихъ-то и хранится тотъ драгоцѣнный матеріалъ, разработка котораго, предоставленная изслѣдователямъ вообще, а не избраннымъ только въ частности, можетъ объяснить существенные вопросы новой русской исторіи и освѣтить свѣтомъ прошлаго, явленія настоящаго. Всякая наука двигается только соединенными усиліями, а не одиночными и только въ нихъ ея вѣрныя завоеванія. Весьма оригинальнымъ фактомъ, хотя и объяснимымъ въ исторіи русской науки, будетъ то обстоятельство, что русскіе историки нашего времени свободно работали подъ гостепріимнымъ кровомъ благоустроенныхъ архивовъ Венгріи, Вѣны, Парижа, даже самого неприступнаго Ватикана, искали тамъ матеріаловъ какъ для западной, такъ и для новой русской исторіи, имѣли для того рекомендаціи изъ русскихъ оффиціальныхъ сферъ, но они и не смѣли постучаться у себя дома въ двери на какой нибудь Воздвиженкѣ. Тѣмъ большаго должно ожидать отъ тѣхъ счастливцевъ, которые волею судебъ попадали въ эти архивы, именуемые государственными хранилищами. Не надо думать, чтобы ученая извѣстность сама собою открывала въ нихъ доступъ. Покойный Соловьевъ дѣйствительно имѣлъ высочайшее разрѣшеніе работать въ государственныхъ архивахъ; но врядъ ли доступны они были въ такой же степени, напр. гг. Костомарову, Бестужеву-Рюмину, Н. Попову и др. Мы

знаемъ, что исключительно благодаря благосклонному вниманію бывшаго министра графа Д. А. Толстого былъ допущенъ въ 1878 г. въ правительственные архивы доцентъ казанскаго университета Д. А. Корсаковъ, что по ходатайству графа, ему же, г. Корсакову, предоставленъ былъ, по высочайшему разрѣшенію, просмотръ въ петербургскомъ государственномъ архивѣ «актовъ первостепенной важности», а также дано разрѣшеніе на занятія въ архивахъ министерствъ военнаго, морского, юстиціи, св. синода и второго отдѣленія (см. Отчетъ о занятіяхъ доцента Корсакова. Казань, 1878, стр. 4). Нельзя не порадоваться такому вниманію къ ученымъ интересамъ со стороны подлежащихъ властей. Эта радость становится тѣмъ искреннѣе, когда мы убѣждаемся, что на г. Корсакова не было возложено никакой особой миссіи, а предоставлено заниматься при такихъ благопріятныхъ и исключительныхъ условіяхъ, между прочимъ, ради составленія докторской диссертаціи, т. е. въ видахъ содѣйствія университетской наукѣ. Положимъ, что г. Корсаковъ почти новичекъ въ архивныхъ работахъ. Въ 1872 г. онъ писалъ о «Мерѣ и Ростовскомъ Княжествѣ», конечно не по архивнымъ источникамъ, но богатый, рѣдкій матеріалъ самъ собою придаетъ жизнь и интересъ диссертаціи.

Слѣдуетъ, конечно, ожидать очень многаго отъ подобной диссертаціи, хотя бы въ такомъ частномъ спеціальномъ вопросѣ, какъ воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Тутъ-то и необходимы акты первостепенной важности. Положимъ, что Соловьевъ, еще раньше выхода XIX тома, работалъ въ тѣхъ самыхъ архивахъ, за исключеніемъ синодальнаго и результаты своихъ поисковъ внесъ въ статью «Птенцы Петра Великаго» еще въ 1861 г. Положимъ, что еще раньше, т. е. въ 1859 г. все извѣстное въ печати обстоятельно въ свое время изложилъ г. Щебальскій, а послѣ, въ 1861 г. Н. А. Поповъ. Положимъ, что въ 1869 г. Соловьевъ ввелъ еще новый матеріалъ въ свой XIX томъ, которымъ въ 1872 г. воспользовался Е. П. Карновичъ. Но вѣроятно Соловьевъ что нибудь просмотрѣлъ, упустилъ изъ вида, не имѣлъ возможности видѣть и читать все, если г. Корсаковъ счелъ нужнымъ съ своей стороны заняться переработкой матеріала, приложить свои посильныя старанія къ разъясненію темныхъ вопросовъ знаменитыхъ пяти недѣль, въ которыя разыгралась трагикомедія воцаренія Анны Іоанновны. Вѣдь есть же въ западной новѣйшей исторіографіи примѣры, когда въ одномъ и томъ же архивѣ разные изслѣдователи находятъ разный матеріалъ, который какъ бы обладаетъ способностью обновляться подъ руками ученыхъ, на томъ простомъ основаніи, что иногда тому или другому пришлось заглянуть въ не-

початый уголъ или въ связки и фоліанты, отъ которыхъ никто доселѣ не ожидалъ новаго.

Къ сожалѣнію, г. Корсаковъ не былъ такъ счастливъ. Онъ все тщательно пересмотрѣлъ, видѣлъ и читалъ то, что видѣлъ и читалъ въ свое время Соловьевъ, а если и занимался тамъ, гдѣ не занимался покойный авторъ «Исторія Россіи», какъ напримѣръ въ синодальномъ архивѣ, то не вынесъ оттуда ничего, что не было извѣстно ранѣе.

Прочитавъ его книгу, можно подумать, что почтенный доцентъ казанскаго университета взялъ на себя задачу провѣрить XIX томъ книги Соловьева, дабы имѣть случай доложить читающей публикѣ ученой и неученой, что въ архивахъ все въ порядкѣ, на своемъ мѣстѣ и все обстоитъ благополучно.

Между тѣмъ, читая книгу казанскаго профессора, если не видишь въ ней особеннаго напряженія мысли, то видишь трудъ, изысканія, доходящія въ иныхъ случаяхъ до щепетильности, даже желаніе обобщить факты, желаніе освѣтить историческія явленія. Вѣдь собственно, за неоткрытіемъ новыхъ документовъ, послѣднее и должно составлять достоинство книги. Правда, авторъ, сознавая, что онъ Америку не открылъ, рѣшился удариться въ мелочи и посвятилъ свои силы на розысканія генеалогіи россійскаго родословія и шляхетства, для чего даже устроилъ особое «Приложеніе». Во второмъ выпускѣ своего «этюда» г. Корсаковъ, — кромѣ полнаго списка всѣхъ лицъ принимавшихъ участіе въ шляхетскихъ проектахъ и прошеніяхъ (Прил. стр. 20—64), кромѣ критики и свѣрки этихъ проектовъ, — помѣстилъ извлеченія изъ депешъ датскаго посланника Вестфалена (стр. 65—88). Странно сказать—въ названныхъ приложеніяхъ, т. е. во второмъ выпускѣ, въ глазахъ критика будетъ заключаться все значеніе, весь интересъ диссертаціи непосредственно въ научномъ отношеніи.

Мы такимъ образомъ имѣемъ передъ собою книгу, въ которой приложенія важнѣе самого сочиненія, въ которой научный интересъ переносится отъ самаго предмета изложенія къ вопросамъ посторонним и хотя весьма мелочнымъ, но важнымъ для будущаго историка, какъ напр. къ частной генеалогіи русскаго шляхетства. Говоримъ такъ, потому что въ приложеніяхъ видимъ дѣйствительно хотя мелкую, но ученую работу, удавшуюся болѣе или менѣе, а въ самой книгѣ, къ сожалѣнію, наблюдаемъ иногда неумѣнье справиться съ задачею, рядомъ съ туманнымъ представленіемъ смысла событія.

Кто не знаетъ обстоятельствъ воцаренія Анны Іоанновны? Намъ нѣтъ надобности пересказывать читателямъ подробности этого эпизо-

да. Да и отъ изслѣдователя, поставленнаго въ положеніе г. Корсакова, мы желали бы слышать не только пересказъ фактовъ. Дѣло не въ томъ, котораго числа, въ которомъ часу совершилось то и другое событіе, въ какихъ словахъ говорили то и другое Голицыны и Долгорукіе, что тогда-то думала и не думала императрица; все это намъ давно разсказано перомъ можетъ быть не менѣе искуснымъ, чѣмъ въ книгѣ г. Корсакова. Для исторической науки важно уяснить смыслъ каждаго событія, поставить его въ связи съ прошлымъ, опредѣлить причины его вызвавшія, указать его послѣдствія и очертить обстоятельства, которыя содѣйствовали его развитію. Въ этомъ, полагаемъ, азбука науки, а для докторской диссертаціи, хотя бы она называлась этюдомъ,—даже minimum требованій. Вотъ этого-то minimum'а мы и не видимъ въ сочиненіи г. Корсакова.

Стоитъ только взглянуть мелькомъ на планъ этюда, дабы видѣть, что особенно занимаетъ автора. Какъ слѣдуетъ быть въ каждой добропорядочной диссертаціи, встрѣчаемъ въ началѣ ея введеніе и обозрѣніе источниковъ и пособій. Никому знакомому съ пріемами западныхъ монографій не придетъ въ голову, что въ этомъ введеніи надо искать существенную часть книги, т. е. объясненіе причинъ изслѣдуемыхъ явленій. Но г. Корсаковъ считаетъ излишнимъ утруждать себя существеннымъ.

Съ завидной краткостью г. Корсаковъ умудряется на пространствѣ десяти страницъ введенія рѣшить всѣ вопросы, обусловливавшіе «фактъ воцаренія Анны Іоанновны». Онъ даже съумѣлъ свести ихъ въ пять группъ и изложить свой взглядъ на каждую изъ нихъ. Краткость и содержательность, конечно, капитальныя достоинства историка, особенно если у послѣдняго богатство мыслей. Но что будетъ если къ краткости присоединить недостаточную ясность взглядовъ, которая ясно знаменуетъ,—что авторъ хотя и преподаватель одного изъ университетовъ,—имѣетъ не совсѣмъ нормальныя воззрѣнія какъ на эпоху предшествовавшую 1730 г., такъ и на самое царствованіе Анны Іоанновны. Мы собственно и остановимся съ нѣкоторою подробностью на этихъ страницахъ, ибо въ нихъ, по нашему мнѣнію, все, что подлежитъ рецензіи. Это resumé занятій автора по изучаемому имъ времени. Думаемъ, что не трудно передать съ русскаго на русскій архивные документы XVIII вѣка, не трудно сравнить разные тексты и редакціи памятника, еще легче писать по Бантышъ-Каменскому характеристики и портреты дѣятелей того времени, — но выработать извѣстный взглядъ на эпоху и объяснить возникновеніе событія не изъ случайныхъ мелочныхъ фактовъ, а изъ органическаго развитія

всей исторической жизни — нѣсколько потруднѣе. Потому-то мы и считаемъ интереснымъ передать эту часть введенія автора.

«Явленія внутренней жизни Россіи съ 1725 по 1730 г.», трактуетъ г. Корсаковъ на стр. III, «были главными элементами, образовавшими фактъ воцаренія Анны Іоанновны», хотя въ концѣ книги на стр. 279 называетъ ихъ только ближайшими причинами. «Эти элементы были слѣдующіе: 1) Неопредѣленность престолонаслѣдія послѣ Петра Великаго, 2) личныя качества его ближайшихъ преемниковъ, 3) государственное значеніе верховнаго тайнаго совѣта, 4) неопредѣленность правъ шляхетскаго сословія, 5) отношеніе русскихъ людей къ иноземцамъ». Вотъ и разрѣшеніе загадки. Не будь сказанныхъ явленій, не было бы недоразумѣній и смуты при воцареніи императрицы Анны Іоанновны. Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ такимъ упрощеннымъ способомъ объясненія историческихъ явленій. Мы думаемъ прежде всего, что авторъ сдѣлалъ маленькую ошибку, смѣшавъ поводы и обстоятельства явленія съ его причинами. Все сказанное было бы умѣстно, еслибы авторъ велъ рѣчь объ обстоятельствахъ, способствовавшихъ «затѣйкѣ верховниковъ». Но онъ беретъ выше; онъ открыто протестуетъ противъ устарѣлаго-де взгляда на этотъ вопросъ, когда въ дѣйствіяхъ верховниковъ видѣли выраженіе «олигархическихъ замысловъ немногихъ своекорыстныхъ вельможъ и стремленіе русскихъ людей возвратиться къ дореформеннымъ порядкамъ, къ старинному строю московскаго государства». Мы желали бы слышать отъ г. Корсакова, кто изъ серьезныхъ историковъ поддерживаетъ первую часть цитованной фразы, а что касается до второй ея части, то полагаемъ, что авторъ, болѣе вдумавшись въ дѣло, самъ согласится съ сущностью ея. Но г. Корсаковъ предпочитаетъ вертѣться въ бѣличьемъ колесѣ. Онъ даетъ въ замѣнъ прежняго такія объясненія, которыя ничего не объясняютъ и которыя въ добавокъ еще сами нуждаются въ объясненіи. Неужели авторъ серьезно полагаетъ, что не было бы протеста родословныхъ, протеста, который вызывался бы прошлымъ, на время задавленнымъ рукою преобразователя, складомъ русской жизни, если бы послѣ Петра были не женщины на престолѣ, если бы Петръ составилъ не то, а другое завѣщаніе, если бы верховный тайный совѣтъ назывался бы иначе или былъ чѣмъ нибудь другимъ и т. д. Наука, конечно, не должна заниматься гаданіемъ и варіаціями на тему «что было бы, если бы», но она выработала уже извѣстный критеріумъ для объясненія явленій, которымъ неизвѣстно почему г. Корсаковъ не пользуется. Онъ предпочитаетъ объяснять великія событія мелкими причинами на манеръ французскихъ и ан-

глійскихъ историковъ прошлаго столѣтія. Но съ тѣхъ поръ прошло много времени, тѣ историки давно покоятся въ могилахъ, въ свою очередь наука сдѣлала много успѣховъ, и для докторанта конечно обязательно знать ихъ.

Изслѣдователь нашего времени объясняетъ событія или такъ называемыми идеями, или экономическими причинами, или участіемъ великихъ людей, которые считаютъ себя въ силахъ бороться съ вѣкомъ, но никогда эти изслѣдователи не должны смѣшивать причины съ поводами. Возьмите научный, а не выдуманный критеріумъ, и вы получите другіе результаты, а самое событіе явится органическимъ фактомъ въ ряду другихъ явленій. Нѣтъ историческаго народа, который не исходилъ бы въ процессѣ своего развитія изъ извѣстной идеи. Она будетъ проявляться въ его исторіи послѣдовательно, упорно, хотя медленно, постепенно. Извѣстныя явленія, болѣе или менѣе случайныя, могутъ помѣшать правильному ходу движенія, но не сокрушатъ той идеи, которая лежитъ въ основѣ исторіи извѣстнаго народа. Прежде всего обстоятельства воцаренія Анны Іоанновны, по сущности своей, не представляютъ ничего особенно оригинальнаго. Надо помнить, что боярство боролось съ царскимъ самодержавіемъ еще ранѣе Грознаго. Но оставимъ это въ сторонѣ. Та идея, которую можно прослѣдить черезъ всю русскую, московскую исторію, выраженіемъ которой служатъ наши старые земскіе соборы, объясняетъ сама по себѣ видимо несходные факты нашей государственной жизни. Мы не думаемъ, конечно, приписывать верховникамъ и шляхетству 1730 г. намѣренія призвать землю для рѣшенія тогдашняго государственнаго вопроса, но нельзя не видѣть въ характерѣ, духѣ явленій московскаго прошлаго и въ «затѣйкѣ» 1730 г. нѣкоторой аналогіи. — Начиная съ XVI вѣка, наши земскіе соборы носятъ одинаковый историческій характеръ. Послѣ того, когда прервалась Рюрикова линія царскаго дома, явилась потребность въ соборѣ и только соборъ устранилъ смуту. Въ 1598 г. народъ московскій, по зову патріарха Іова, избираетъ Бориса Годунова, причемъ, кромѣ архіереевъ и боляръ, созвано до 500 выборныхъ людей. Правда, тогда не было ничего постановлено объ условіяхъ, ограничивающихъ царскую власть, но сами обстоятельства ихъ подсказываютъ. Извѣстно, какъ въ великую смуту предокъ Голицыныхъ вошелъ въ сношенія съ поляками. Цѣлая партія, помимо того, призываетъ королевича Владислава или точнѣе его отца на царскій престолъ и ставитъ 4 февраля 1610 года тѣ же условія кандидату, какія верховники въ своихъ кондиціяхъ черезъ сто двадцать лѣтъ предлагали императрицѣ Аннѣ. Г. Корсаковъ долженъ ихъ знать, а если

знаетъ, то не можетъ игнорировать. Мы съ своей стороны напомнимъ нѣкоторыя изъ этихъ условій, оставляя въ сторонѣ первые три пункта ихъ, въ которыхъ говорится о сохраненіи святой вѣры греческаго закона, чѣмъ также начинается кондиція верховниковъ. Послы отъ тушинцевъ, именемъ боярской думы и всѣхъ людей московскихъ, требовали обязательства не только не трогать древнихъ правъ московскихъ людей, но распространять ихъ, прибавивъ такія права и вольности, которыхъ прежде не бывало въ московскомъ государствѣ, какъ выражается Соловьевъ (VIII, 303). Затѣмъ въ договорѣ Владиславъ и король обязались: 1) не только не трогать имѣній и правъ духовенства, но и увеличивать ихъ; 2) такъ же поступать по отношенію къ боярамъ, окольничимъ, думнымъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ; 3) суды оставить по старинѣ; перемѣна же законовъ зависитъ отъ бояръ и всей земли; 4) никого не казнить безъ приговора бояръ и думныхъ людей, а имѣніе казненныхъ отдавать наслѣдникамъ; 5) великихъ чиновъ людей невинно не понижать, а меньшихъ людей возвышать по заслугамъ; 6) подати собирать по старинѣ; король не можетъ прибавлять никакой подати безъ согласія думныхъ людей; 7) холопей, невольниковъ господскихъ оставить въ прежнемъ положеніи, чтобы служили господамъ своимъ по прежнему и т. д. — Такимъ образомъ потребность въ ограниченіи царской власти чувствовалась давно въ нѣкоторыхъ кружкахъ. Могутъ сказать, что партія Салтыкова и Грамотина, заправлявшихъ движеніемъ въ пользу ограниченія, обязана была своими идеями исключительнымъ обстоятельствамъ, какъ напримѣръ дружеству съ поляками въ общемъ военномъ станѣ, но это не уничтожаетъ самаго факта. Извѣстныя стремленія бываютъ живучи въ исторіи. Явятся подходящія обстоятельства—они выскажутся вновь, а развѣ можно отрицать нѣкоторую аналогичность въ условіяхъ 1730 года, когда оживились старыя преданія аристократическихъ родовъ? Стоитъ сличить приведенныя условія съ пунктами верховниковъ въ ихъ первоначальной, окончательной редакціи, а равно съ нѣкоторыми проектами шляхетства, чтобы убѣдиться какъ недалеко ушли родовитые дѣятели 1730 г. отъ своихъ предшественниковъ. Тѣ и другіе пользовались перерывомъ царской линіи и вопросомъ о престолонаслѣдіи; тѣ и другіе хотѣли можетъ быть «воли себѣ прибавить», но за этою волею скрывалось нѣчто большее.

Изслѣдовать эту аналогію, было по нашему мнѣнію обязанностью автора разбираемой книги. Онъ пренебрегъ этимъ и поставилъ себя въ неловкое положеніе, добровольно отрѣшивъ факты 1730 г. отъ всего прошлаго русской исторической жизни. Между тѣмъ идея зем-

скаго совѣта въ тѣ тяжелыя годины, въ кои настала смута въ государствѣ, продолжала жить и проявляться. Польскій царевичъ пересталъ быть серьезнымъ кандидатомъ. Были или не были предложены царю Михаилу ограничивающія условія, вопросъ не вполнѣ уясненный, но что раздавались голоса въ видахъ ограниченія царской власти— несомнѣнно.

Самый слухъ о записи, занесенный у Котошихина, какъ бы онъ ни былъ смутенъ, показываетъ хотя слабое присутствіе извѣстнаго рода политической тенденціи въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Въ виду этого слуха толковали, что новый царь обязался не казнить безъ суда никого и всѣ дѣла вершить сообща съ думою и земскими людьми. «Такой записи не сохранилось, замѣчаетъ по этому поводу г. Костомаровъ, и нѣтъ основанія предполагать, что она существовала; но на дѣлѣ происходило дѣйствительно такъ, какъ бы и на самомъ дѣлѣ существовала эта запись» (Русская Исторія, II, 3). Замѣчаніе весьма удачное. Все царствованіе Михаила Ѳедоровича, обязаннаго престоломъ земскому собору, вело къ упроченію идеи соборной, совѣщанія съ землей. Тяжелое положеніе разореннаго, оголодѣлаго московскаго государства, тѣснимаго со всѣхъ сторонъ, терзаемаго своими и чужими, заставляло молодого царя прибѣгать къ совѣту выборныхъ земли; это обращеніе къ народу вошло почти въ обычай въ первые годы этого царствованія. Мы знаемъ соборы почти изъ года въ годъ—1614, 1616, 1618 и 1619 годовъ. Затѣмъ, послѣ нѣкотораго успокоенія, они созываются гораздо рѣже, въ исключительныхъ случаяхъ, преимущественно при столкновеніяхъ съ внѣшними врагами, напримѣръ въ 1642 г. Слѣдующее царствованіе старалось отучить московскихъ людей отъ идеи совѣщанія, но великія событія сами собою ихъ вызывали, какъ въ 1648 и 1654 г. Народъ всегда черезъ своихъ представителей приходилъ въ лицѣ лучшихъ и среднихъ людей; просили высылать тѣхъ, которые могутъ разсказать «обиды, насильства разоренія и чѣмъ московское государство пополнить». Даже Петръ I ребенкомъ обязанъ былъ въ 1682 г. престоломъ народному голосу, который замѣнялъ на этотъ разъ несозванный соборъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ русскомъ обществѣ, а не въ одномъ высшемъ слоѣ, издавно коренилось сознаніе необходимости прійдти на помощь государству въ смутныя годины. И такое время настало послѣ смерти Петра II, оставившаго обрученную невѣсту. Престолъ былъ свободенъ, имѣлось нѣсколько кандидатовъ, нѣсколько партій: царицы бабки, царевны тетки, государыни невѣсты, голштинской принцессы Анны. Тестаментъ Петра Великаго тутъ ни при-

чемъ и напрасно г. Корсаковъ носится съ нимъ, повторяя г. Карновича, пресерьезно усматривая въ немъ причину причинъ. На оный тестаментъ никто не обратилъ вниманія и перевѣсъ могла получить только та кандидатура, которая удовлетворяла бы требованіямъ идей, назрѣвшихъ въ обществѣ хотя бы выраженныхъ и немногими. Хотя между прошлымъ XVII вѣка и настоящимъ легло цѣлое, полное величавыхъ перемѣнъ, царствованіе, но старыя идеи не исчезли. Имъ настало время высказаться. Въ разныхъ слояхъ общества было намѣреніе ограничить верховную власть. Мы приведемъ примѣръ, какъ нарочно пропущенный г. Корсаковымъ, который, гонялись за мелочами, просматриваетъ существенное—духъ изучаемаго общества. Изученіе столь важнаго внутренняго броженія въ русскомъ обществѣ, вызваннаго столько же старой московской реакціей, сколько экономическими причинами, по нашему мнѣнію, должно лечь въ основу подобной диссертаціи. Положимъ, сдѣлать это нѣсколько потруднѣе, чѣмъ уснащать книгу ни къ чему не идущими анекдотами, даже пѣснями о томъ какъ «у насъ въ селѣ Поливановѣ, бояринъ—отъ дуракъ въ рѣшетѣ пиво варилъ, а попъ—отъ дуракъ косаремъ сѣно косилъ» и пр. (с. 62).

Мы напомнимъ, напримѣръ, разсказъ о московскихъ событіяхъ бригадира Козлова казанскому губернатору Волынскому, сообщаемый Соловьевымъ (XIX, 263).

«Теперь у насъ прямое правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало и нынѣ уже прямое теченіе дѣлами будетъ и уже больше Бога не надобно просить, кромѣ, чтобы только между главными согласіе было. И что она сдѣлана государынею, и то только на первое время помазка по губамъ». Вѣроятно, такихъ Козловыхъ было много и въ архивахъ тайной канцеляріи есть не одно подобное дѣло. Жаль, что изучить общественное настроеніе по архивнымъ документамъ не угодно было нашему автору, а для этого онъ былъ поставленъ въ наивыгоднѣйшія условія. Мы привели бы также по этому поводу весьма важное мѣсто изъ «Правды воли монаршей» Ѳеофана Прокоповича, непримиримаго врага верховниковъ. Тамъ въ предисловіи Ѳеофанъ сознается, что «въ народѣ нашемъ обрѣтаются такъ непокойныя головы и страстію прекословія свербящія сердца, что никакого уставленія отъ державной власти произносимаго похвалити не хотятъ»,—вотъ причина появленія самой Правды—«едина же сочиненія книжицы сей вина есть». Все это настроеніе общества обильно подтверждается донесеніями иностранныхъ агентовъ Кампредона, Маньяна, Мардефельда, Вестфалена. Такимъ образомъ были элементы, обусловившіе замыслы такъ называемыхъ верховниковъ, болѣе серьезные и дѣйствительные,

чѣмъ поверхностно и не кстати указанные г. Корсаковымъ. Они были связаны съ русскимъ прошлымъ и изъ него болѣе или менѣе вытекали. Къ этому объясненію былъ близокъ почтенный Е. П. Карновичъ въ своихъ статьяхъ по поводу выхода XIX тома Соловьева. «Затѣйки верховниковъ, говорилъ еще восемь лѣтъ тому назадъ г. Карновичъ,—были послѣдствіемъ многихъ условій тогдашняго государственнаго быта Россіи и находились въ тѣсной связи съ прошлымъ довольно отдаленнымъ ходомъ внутреннихъ политическихъ нашихъ дѣлъ. Въ политикѣ этой, при подробномъ ея изслѣдованіи, открывается своего рода историческая послѣдовательность и постепенность. Оказывается, что въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ были такіе элементы политическаго броженія и недовольства, на которые могли до извѣстной степени разсчитывать главные дѣятели замышленнаго переворота» (Отеч. Зап. 1872 г., т. 119, стр. 210).

И вотъ новый авторъ спеціальнаго изслѣдованія воцаренія Анны Іоанновны игнорируетъ то, что намѣчено было русской критикой восемь лѣтъ тому назадъ. Вопросъ о причинахъ съ простой научной, нетолько съ историко-философской стороны, остался нерѣшеннымъ. Намъ, правда, говорятъ о какихъ-то традиціяхъ родословности на стр. 280, но не считаютъ нужнымъ даже остановиться на этомъ.

Какъ въ каждомъ историческомъ явленіи, такъ и въ данномъ случаѣ, помимо связи съ прошлымъ, существовали извѣстныя экономическія условія, которыя также объясняютъ попытку верховниковъ. Кто пишетъ исторію воцаренія Анны Іоанновны, не можетъ обойти изученія тогдашняго состоянія государства, иначе онъ будетъ вращаться въ анекдотической сферѣ придворныхъ интригъ, имѣющихъ слишкомъ слабое значеніе и не уйдетъ далѣе, т. е. не напишетъ ученой книги. А для этого изученія есть много интереснаго матеріала, помимо нашихъ архивовъ, гдѣ быть можетъ его еще больше.

Извѣстно въ какомъ тяжеломъ экономическомъ положеніи Петръ I оставилъ государство. Голодъ, общая дороговизна, пустая казна, не позволявшая выплачивать аккуратно жалованье даже гвардіи, разстройство торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, полный упадокъ земледѣлія и невыносимое положеніе крестьянства и ко всему раздвоеніе внутри народа между людьми стараго, опозореннаго и никоновскаго казеннаго православія. Мѣтко характеризуетъ это несчастное время Соловьевъ. «Для Россіи, говоритъ онъ, наступила эпоха, которую переживала Европа при франкахъ, свевахъ и готахъ». Это было броженіе дикихъ элементовъ и инстинктовъ. Правительство сознавало это. По учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта, въ 1726 г. самъ

прегордый Голіафъ, т. е. князь Меншиковъ, съ Остерманномъ и Волковымъ подалъ мнѣніе о затруднительномъ положеніи государства. Въ немъ особенно налегаютъ на положеніе крестьянства. «Нѣсколько лѣтъ какъ хлѣбный недородъ учинился, читаемъ въ немъ. Платежемъ подушныхъ денегъ земскіе комиссары и обрѣтающіеся на вѣчныхъ квартирахъ штабъ- и оберъ-офицеры такъ принуждаютъ, что не токмо пожитки распродавать принуждены, но многіе и въ землѣ посаженный хлѣбъ за безцѣнокъ отдаютъ, и оттого необходимы принуждены бѣгать за чужія границы, а особенно изъ низовыхъ провинцій и сибирскихъ городовъ въ Башкиры, а изъ другихъ въ Польшу». Въ своемъ докладѣ Меншиковъ прямо говоритъ: «Никто ни о чемъ больше не думаетъ, кромѣ, чтобы у крестьянина послѣднее въ подать взять и тѣмъ выслужиться, не уважая о томъ, что послѣ крестьянинъ безъ ничего останется или и вовсе куда убѣжитъ» (Штенцы Петра Великаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1861 г., № 1, ст. 106). А выше — среди торговыхъ людишекъ — «купечества весьма мало говоритъ современникъ, и можно сказать, что почти уже нѣтъ, ибо всѣ торги отняты отъ купцовъ, а торгуютъ высокія персоны и ихъ люди крестьяне». Не даромъ Меншиковъ и Гагаринъ называются всероссійскими купцами. Да и кромѣ того «торговать уже за нападками не безопасно. Волынскій, будучи въ Персидѣ, съ прикащиковъ Еврейновыхъ и прочихъ съ немалымъ притѣсненіемъ насильно бралъ болѣе двадцати тысячъ рублей, яко-бы на государевы нужды, ажно на свои прихоти, и битъ челомъ не смѣютъ». Торговое сословіе было поставлено въ полную зависимость отъ произвола воеводъ и губернаторовъ. Судъ былъ переданъ администраціи, которой были подчинены петровскіе городовые магистраты. Исчезла всякая тѣнь самоуправленія, къ которой великій императоръ пытался, хотя не особенно искренно, пріучать народъ. Остался одинъ авторитетъ — грубая сила, передъ которой все склонялось, передъ которой не было защиты ни у кого. Даже за молитвой былъ надзоръ. «А въ то же время священники покровительствуемой вѣры — хуже нищихъ, говоритъ Георгій Ростовскій; ихъ бьютъ на правежахъ».

Картина грустная, удручающая. Понятно, что подобныя общественныя условія и должны были вызвать если не открытый протестъ, то броженіе, недовольство, исканіе лучшаго порядка. Но гдѣ искать его? Этотъ порядокъ долженъ былъ сперва измѣниться на верху. И развѣ не благородными побужденіями улучшить положеніе государства руководились по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ верховниковъ? Этого не отрицаетъ авторъ разбираемой книги, хотя, какъ увидимъ, онъ пу-

тается въ противорѣчіяхъ. Не поставивъ широко и научно вопроса, онъ не можетъ вывести органически изслѣдуемаго явленія изъ окружающихъ условій.

Г. Корсаковъ на VII стр. въ пяти словахъ говоритъ о такомъ важномъ предметѣ, какъ о приглашеніяхъ выборныхъ отъ шляхетства при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Онъ даже не ссылается на извѣстную статью по этому вопросу Полѣнова въ Сборникѣ Россійскаго Историческаго Общества. А развѣ это обращеніе къ народу не было сознаніемъ правительства въ его собственной несостоятельности, развѣ оно не стоитъ въ тѣсной связи съ замыслами и дѣйствіями верховниковъ, развѣ оно не предрѣшаетъ ихъ? Съ самаго учрежденія верховнаго тайнаго совѣта стали обращаться къ сословіямъ и шляхетству, хотя успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Провинціальные чиновники, купцы, землевладѣльцы были слишкомъ задавлены опекой, чтобы могли сразу стать на ноги. Ничто такъ не отучаетъ отъ самоуправленія, какъ долгое пребываніе подъ руководствомъ, какъ привычка къ насилію извнѣ. Тутъ часто склоняются и сильныя головы, а таковыхъ было мало въ тѣхъ избранныхъ дворянахъ, какъ напр. въ Казанской губерніи, гдѣ пришлось розыскивать и съ командами вести депутатовъ въ губернскій городъ, и оттуда подъ присмотромъ доставлять въ Москву; изъ самой столицы депутаты старались убѣжать. Вотъ на такихъ-то представителей пришлось опереться правительству и понятно, что оно перестало довѣрять способностямъ выборныхъ, ограничивъ кружокъ избираемыхъ. Шелъ вопросъ о пересмотрѣ Уложенія царя Алексѣя, не вполнѣ удовлетворявшаго потребностямъ. Изданный при Екатеринѣ I сенатскій указъ гласитъ: дабы уложенье при довольномъ числѣ членовъ сочиняемо было съ поспѣшеніемъ, приказали быть при томъ сочиненіи членамъ изъ духовныхъ, изъ военныхъ, изъ гражданскихъ и изъ магистрата по двѣ персоны.» Но при Петрѣ II выборы были ограничены. Сенатскій указъ, данный 14 іюня 1728 г., требуетъ для того сочиненія выслать къ Москвѣ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири по пяти человѣкъ, за выборомъ отъ шляхетства» (П. Соб. Зак. VIII 54). Когда эти выборные оказались неспособны, въ маѣ 1729 г. ихъ распустили, но тогда же (такъ сильна была потребность въ совѣщаніи съ земщиной) вышелъ именной указъ (П. Соб. Зак., VIII, 198) и рѣшено «было выбрать другихъ знатныхъ и добрыхъ людей, которые бы къ тому дѣлу были достойны изъ каждой губерніи по два человѣка, согласясь губернаторамъ обще съ дворянами, и тѣ выборы закрѣпя, имъ губернаторамъ и дворянамъ

прислать прежде ихъ высылки въ верховный тайный совѣтъ, а ихъ самихъ къ Москвѣ до нашего указа не высылать».

Мы не будемъ защищать узурпаторскіе порывы верховниковъ; но совершенно понимаемъ ихъ недовѣріе къ шляхетству, вынесенное изъ недавно минувшаго опыта. Но когда они увидали стремленіе, вышедшее изъ среды шляхетства, раздѣлить вліяніе, они готовы были подѣлиться властью съ шляхетствомъ. Само собою ясно, что тѣ и другіе т. е. родословные и шляхетство, въ равной степени игнорируя массу народа, одинаково не достигали цѣли. По этому поводу нельзя не остановиться на измышленіяхъ г. Корсакова о верховномъ тайномъ совѣтѣ.

Мы не можемъ согласиться съ его взглядомъ, съ неумѣстнымъ лаконизмомъ высказаннымъ на пяти страницахъ. Опроверженіе онъ можетъ встрѣтить въ каждомъ учебникѣ по русской исторіи. Авторъ совершенно невѣрно понимаетъ значеніе этого учрежденія. Онъ считаетъ его родословнымъ, аристократическимъ по существу. «Родословные люди, говоритъ онъ, весьма естественно приходятъ къ мысли о необходимости верховной коллегіи». Здѣсь что ни слово—грубая ошибка въ основныхъ элементахъ. О какихъ родословныхъ людяхъ здѣсь говорится? Мы знаемъ, что изъ стараго боярства съ открытія учрежденія въ немъ участвовалъ князь Д. М. Голицынъ; затѣмъ членами были назначены князь Меншиковъ, графы Апраксинъ, Головкинъ, Толстой, баронъ Остерманъ. Апраксинъ былъ сынъ стольника, Толстой окольничаго и только Головкинъ былъ сынъ боярина, да и то Петровскаго. У каждаго изъ нихъ родословія не много. Притомъ развѣ эти люди задумали учрежденіе совѣта и развѣ совѣтъ былъ именованъ коллегіей? «Въ мнѣніи не въ указъ», читаемъ по этому поводу; «этотъ тайный совѣтъ не слѣдуетъ считать за особливую коллегію, потому что онъ служитъ только къ облегченію ея величества въ тяжкомъ бремени правленія.» Автору, не мудрствуя лукаво надо бы изложить этотъ вопросъ хотя по книгѣ Соловьева, X, VIII, 283—290, ибо ничего иного по этому предмету г. Корсаковъ не могъ найти въ архивахъ. Равнымъ образомъ для ознакомленія съ шляхетствомъ слѣдуетъ изучить соч. Романовича-Славутинскаго, о чемъ уже замѣтилъ г. Корсакову одинъ изъ рецензентовъ (Ж. М. Н. Д. 1880, № 11). Эта книга избавила бы автора отъ невѣрности, разныхъ блужданій, пролила бы свѣтъ на грустное внутреннее положеніе тогдашняго дворянства, на его разрозненность и отсутствіе общихъ интересовъ.

Взглядъ автора «Воцаренія» на роль верховниковъ страдаетъ

необъяснимыми противорѣчіями. На стр. XV они самозванцы, на стр. 103 ихъ затѣйка считается «позорною», на 280 стр. они идеалисты, на 294 и 295 стр. ихъ дѣятельность оказывается проникнутою общею пользою. Видимо, самъ авторъ не выработалъ себѣ опредѣленнаго мнѣнія о главныхъ герояхъ своей монографіи, хотя изъ разныхъ мѣстъ книги можно заключить о сочувственномъ отношеніи къ руководителямъ движенія, т. е. къ князьямъ Д. М. Голицыну и В. Л. Долгорукому. Раздѣляя такой взглядъ г. Корсакова, если только мы могли его вѣрно понять, мы выносимъ одно убѣжденіе, что все движеніе остается не разъясненнымъ, отрѣшеннымъ отъ историческихъ связей, такъ какъ авторъ сдѣлалъ съ своей стороны все чтобы лишить себя почвы подъ ногами.

Хотя третій элементъ историческихъ явленій, т. е. индивидуальныя вліянія выдающихся личностей, остановилъ на себѣ вниманіе автора, хотя г. Корсаковъ написалъ рядъ характеристикъ важныхъ, второстепенныхъ, даже третьестепенныхъ дѣятелей, хотя онъ расщедрился до того, что старается даже говорить особо о тѣхъ, которые извѣстны только своею одною подписью, но впечатлѣніе выносится смутное и самое освѣщеніе предмета не всесторонне. Авторъ искусственно привлекаетъ вниманіе читателей къ личностямъ «родословныхъ», которые особенно излюблены имъ. Онъ точно хочетъ насъ заставить думать, что именно родословные дѣлали все и что отъ нихъ зависѣло сдѣлать еще больше для счастія имперіи. Минуя крупныя и мелкія ошибки въ этихъ характеристикахъ, мы позволимъ себѣ замѣтить, что эти очерки безцвѣтны и шаблонны. Бантышъ-Каменскій съ своимъ «Словаремъ» и «Дѣяніями», Голиковъ, Терещенко, Гельбигъ, «Родословная» изданная княземъ П. В. Долгоруковымъ, его же сокращенные Mémoires, Клейнмихелемъ,—легли въ основу этихъ характеристикъ, хотя авторъ хорошо знаетъ записки Рондо и де-Лирія. Ошибки этихъ авторовъ повторяются и г. Корсаковымъ. Что можетъ быть наивнѣе увѣренія автора въ «неподкупной честности» князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго (с. 21)? Этому когда-то вѣрили въ старыхъ историческихъ романахъ тридцатыхъ годовъ и древнихъ учебникахъ. Неужели намъ объ этомъ суждено читать въ новѣйшихъ докторскихъ работахъ? Для этого опять не надо рыться въ архивахъ. У Соловьева подробно разсказано, какъ этотъ рыцарь неподкупной честности грабилъ казну и частныхъ лицъ, какъ онъ бралъ деньгами, не брезгалъ желѣзомъ и припасами; вѣроятно г. Корсаковъ проглядѣлъ это въ «Исторіи Россіи». Даже въ самомъ учебникѣ Соловьевъ не говоритъ о безкорыстіи Якова Долгорукова.

По поводу тѣхъ же характеристикъ можно было бы указать на недостаточное знакомство автора съ генеалогіей русскихъ родовъ; для него видимо все равно, что боярин, что окольничій, что думный дворянинъ; онъ изобрѣлъ «чинъ» боярина, подъ боярскимъ родомъ онъ иногда разумѣетъ всякій знаменитый и громкій въ свое время родъ. Для докторскихъ работъ такая неточность, поверхностность весьма не желательна. Мы не остановимся на этихъ ошибкахъ, потому что онѣ полновѣсно доказаны въ обстоятельной рецензіи профессора П. П. Загоскина. Тамъ гдѣ г. Корсаковъ думаетъ быть художественнымъ и, отбрасывая своихъ руководителей князя Долгорукова и Бантышъ-Каменскаго, говоритъ отъ себя, сказывается отсутствіе точнаго и установившагося взгляда и фразистость преподносится читателю вмѣсто дѣла. Вотъ напримѣръ главное лицо, руководящее движеніемъ, князь Д. М. Голицынъ. Г. Корсаковъ осыпаетъ его похвалами, но вдругъ въ теченіи мыслей автора совершается внезапный поворотъ въ сторону и онъ совершенно неожиданно сравниваетъ князя... съ Царемъ Грознымъ (ст. 35). Тотъ же Голицынъ уступалъ злобѣ дня, шелъ на компромисы (ст. 35) и онъ же аристократъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова (ст. 37). Если бы было и такъ, то мы все же не понимаемъ зачѣмъ потребовалась автору высокопробныя качества князя печатать разставкой. Мы не видимъ также ничего убѣдительнаго въ томъ, что Остерманъ, «какъ человѣкъ худородный гордо презиралъ людей родословныхъ» (ст. 43). Вѣдь это надо сперва доказать въ принципѣ, а потомъ и въ примѣненіи къ данному случаю. Развѣ по мнѣнію г. Корсакова всѣ худородные на свѣтѣ презирали родовитыхъ! Мы позволяемъ себѣ думать, что чаще было наоборотъ, но можетъ быть это одно изъ открытій въ исторіи родословія XVIII вѣка. Что касается до родственныхъ, особенно брачныхъ связей тогдашнихъ вельможъ, ихъ дѣтей, внучатъ, хотя бы даже до четвертаго колѣна, то въ этомъ отношеніи г. Корсаковъ снабжаетъ самыми богатыми свѣдѣніями, не упускаетъ случая опредѣлить родство фамилій, такъ или иначе замѣшанныхъ въ тогдашнія дѣла. При этомъ по пути говорится даже о тѣхъ, которые съ ними не имѣютъ ничего общаго (какъ напримѣръ на стр. 83).

Что касается до Голицынскаго плана, этого компромиса между шляхетской и вельможной партіей, то, не найдя подлинниковъ, г. Корсаковъ долженъ былъ слѣдовать депешамъ Рондо, Маньяна и де-Лиріа. Здѣсь мы въ правѣ ожидать болѣе тщательныхъ пріемовъ изслѣдованія, но г. Корсаковъ, наоборотъ, становится очень кратокъ. Г. Карновичъ восемь лѣтъ тому назадъ (Отеч. Зап. т. 119, с. 500)

обстоятельнѣе передалъ этотъ планъ. Существенныя данныя, помѣщены въ «La cour de Russie» (с. 16—17) и въ изданіи Тургенева въ третьемъ томѣ (La Russie et les Russes). Этотъ проектъ, конечно, выше всего, что придумано въ то время, тѣмъ болѣе серьезнѣе кондицій по своему смыслу. Ограничивая бюджетъ императрицы 500 т. рублей въ годъ (а по словамъ Волкова у Соловьева, XIX, 264— только 100 тысячъ рублей), князь Д. М. Голицынъ, совершенно лишая императрицу активной власти, рядомъ съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, который завѣдуетъ дѣлами войны и мира, ставитъ сенатъ изъ тридцати шести лицъ и шляхетскую или точнѣе земскую палату, членовъ которой Рондо называетъ gentleman and merchants. При этомъ предполагается подчинить войско и гвардію верховному тайному совѣту, который будетъ избирать военныхъ и гражданскихъ начальниковъ и государственнаго казначея. Шляхетство и, конечно, вельможи, наказываются не иначе, какъ по суду. Г. Корсаковъ не анализируетъ разныя редакціи, а въ видахъ болѣе точнаго возстановленія истины это необходимо. Онъ ограничивается вольнымъ переводомъ французскаго текста, не обращаясь къ англійскому подлиннику Рондо. Онъ между прочимъ вставляетъ цѣлый пунктъ, котораго нѣтъ у Рондо; пунктъ этотъ впрочемъ, ничего не измѣняетъ. Намъ кажется изъ тѣхъ же англійскихъ сообщеній, что рѣчь шла не о двухъ палатахъ, а объ одной земской, какъ мы перевели ее, въ которую рядомъ съ среднимъ и мелкимъ дворянствомъ имѣли приглашаться представители городовъ, купцы. Это, къ сожалѣнію, не разъяснено, но въ замѣнъ того цѣлый потокъ горячихъ словъ и произвольныхъ выводовъ (стр. 182) о тиранiи, деспотизмѣ Голицына и т. п. ужасахъ. Тутъ же замѣчательный курьезъ. Знаменитый авторъ проекта является олигархомъ и, знаете-ли, почему? Онъ «ограничиваетъ шляхетское общенародіе властью немногихъ знатнѣйшихъ фамилій, вводя въ кругъ второстепенныхъ учрежденій, на ряду съ шляхетствомъ, представителей отъ торговаго сословія, на которое большинство проектовъ распространяетъ свою опеку». Замѣчательный олигархъ, который протягиваетъ руку, подобно графу Симону Лейстеру, представителямъ городовъ; странный поборникъ «строго аристократическаго принципа»! Мы собственно считаемъ излишнимъ защищать Голицына отъ вспышки нашего автора, потому что самъ г. Корсаковъ,— укротивъ свое негодованіе, далѣе не замедлилъ опровергнуть себя, ибо князь Дмитрій Михайловичъ принадлежитъ все же къ числу излюбленныхъ авторомъ лицъ, какъ образованнѣйшій государственный человѣкъ своего времени. Несомнѣнно, что мысли Голицынскаго проекта

вызваны были пониманіемъ общественныхъ нуждъ и уваженіемъ къ правамъ всѣхъ сословій. Потому-то Голицынъ выдвигаетъ палату городскихъ представителей «для соблюденія интересовъ простого народа и защиты его отъ несправедливостей» — и какъ ограничено «умоначертаніе» шляхетства рядомъ съ проектомъ Голицына. Его взгляды подтверждаются другимъ мѣстомъ изъ депешъ Вестфалена, который говоритъ о готовности верховниковъ (т. е. собственно князя Д. М. Голицына) выслушать мнѣнія представителей прочихъ сословій. (Прил. стр. 76).

Такимъ образомъ анализируя весь научный аппаратъ, которымъ располагалъ казанскій изслѣдователь, мы позволяемъ себѣ думать, что покойный Соловьевъ и въ «Птенцахъ» и въ «Исторіи Россіи» по тѣмъ документамъ дастъ намъ въ толковомъ изложеніи на нѣсколькихъ же страницахъ, но съ весьма цѣлостнымъ впечатлѣніемъ суть того, что г. Корсаковъ развиваетъ въ своихъ 10 главахъ. Вотъ эти главы: I—19 января 1730 г.; II—Верховники и ихъ противники; III—характеристика Анны Іоанновны; IV—Верховники и шляхетство съ 20 января по 2 февраля; V—Отъ 2 до 10 февраля; VI.—Проекты и мнѣнія шляхетства, планъ кн. Д. М. Голицына и пункты присяги; VII—Главнѣйшіе участники шляхетскихъ проектовъ; VIII—Отъ 10 до 25 февраля; IX—25 февраля; X—Заключеніе.

Изъ одной этой схемы видно, что въ общемъ планъ составленъ не совсѣмъ удачно и страдаетъ раздвоенностью. Разсказъ долженъ прерываться неоднократно и авторъ, отвлекая вниманіе читателя отъ изложенія хода событій, долженъ прибѣгать къ довольно плоскимъ характеристикамъ, по поводу которыхъ мы уже высказались. Эти характеристики иногда уносятъ нашего автора, а съ нимъ и читателей, очень далеко отъ непосредственнаго предмета изложенія. Напримѣръ, дѣло идетъ о князѣ Трубецкомъ, а вы знакомитесь съ Бецкимъ; цѣлый рядъ вельможныхъ свадьбъ, вереница тетушекъ, бабушекъ, двоюродныхъ и троюродныхъ мелькаетъ передъ глазами, точно въ нихъ все дѣло. Находясь въ такомъ отборномъ обществѣ, даже забываешь о чемъ собственно идетъ рѣчь. Такъ мало владѣетъ почтенный изслѣдователь талантомъ исторической перспективы, умѣньемъ оттѣнять событія, ставить явленія на соотвѣтственное мѣсто и сообразно тому освѣщать каждое изъ нихъ.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ главъ удачнѣйшею въ научномъ отношеніи можетъ назваться VI глава и особенно обобщеніе шляхетскихъ проектовъ, поданныхъ съ 5 февраля и неподанныхъ въ верховный тайный совѣтъ, покрытыхъ въ общемъ количествѣ болѣе чѣмъ ты-

сячью подписей. Представленные проекты принадлежатъ князю Черкаскому, Дмитріеву-Мамонову (онъ же проектъ XXV), Секіотову, Алабердову или Нарышкину, Грекову, графу Мусину-Пушкину, Колычову и Матюшкину—всего восемь. Не поданы: конспектъ шляхетскихъ совѣщаній; проектъ XIII; способы, которыми порядочно, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное толь важное и полезное всему народу дѣло»; добавленіе къ послѣднему. Всѣ они были извѣстны и напечатаны большею частію у Кашпирева, хотя носили разныя названія. Заслуга нашего автора—въ болѣе точной взятой изъ архивовъ, извѣстной и Соловьеву, редакціи, которая ничего не вноситъ, однако, сама по себѣ въ сумму нашихъ историческихъ свѣдѣній. Въ подобнаго рода памятникахъ важны не знаки препинанія, не союзы и предлоги, не ничтожные пропуски и описки, а сущность дѣла. Авторъ не всегда разъясняетъ, какъ можно бы ожидать, разныя недоразумѣнія, напримѣръ, въ количествѣ подписей и не всегда отмѣчаетъ ранѣе напечатанныя извлеченія изъ памятниковъ. Такъ напр проектъ Секіотова съ ничтожными сокращеніями былъ помѣщенъ еще въ «Штенцахъ» Соловьева. Но, несмотря на эти неважные недосмотры, всѣ оттѣнки различныхъ мнѣній и заявленій сведены въ двѣ отчетливыя группы. Одна представляетъ крайнее политическое направленіе, другая—умѣренное. Выраженіемъ перваго служатъ преимущественно «Способы» съ добавленіемъ. Въ нихъ раньше всякихъ легкомысленныхъ рѣшеній весьма разумно предполагается изучить состояніе государства. Для этого предлагаютъ избрать 20—30 человѣкъ изъ среды шляхетства, которые разработаютъ планъ государственнаго устройства съ выборными отъ синода, военныхъ и купечества. «Дополненія» же думаютъ «податьми отягощенное земледельство какимъ нибудь образомъ облегчить податьми». Въ свою очередь умѣренные проекты по своему содержанію распадаются на два оттѣнка въ большинствѣ и меньшинствѣ шляхетства. Такъ называемые крайніе совершенно устраняютъ верховный тайный совѣтъ; умѣренные «входятъ съ нимъ въ сдѣлку, увеличивая число его членовъ, но обязывая избирать не болѣе двухъ представителей изъ одной фамиліи». Въ общемъ, продолжаетъ г. Корсаковъ, почти всѣ проекты и мнѣнія останавливаются на мысли о необходимости тщательнаго пересмотра государственныхъ потребностей выборными отъ шляхетства, чтобы достигнуть этимъ путемъ какого нибудь положительнаго вывода, приступить къ разсмотрѣнію подробностей государственныхъ преобразованій. Законодательная власть отнимается у императрицы (и конечно только грубой опечаткой можно объяснить ошибку по этому вопросу на стр. 177.), хотя прямо этого

проекты не утверждают. Вездѣ она передается вышнему правительству «отъ 12 до 30 человѣкъ». Нижнее правительство съ правами прежняго сената занимается дѣлами «расправными и судебными», а по проекту Черкасскаго и Конспекту,— подъ этимъ правительствомъ разумѣется шляхетская палата и «сеймъ». Рядомъ созывается генералитетъ и шляхетство изъ 50—100 человѣкъ для выборовъ военныхъ и гражданскихъ исполнительныхъ властей, между прочимъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, полковыхъ командировъ, и только проектъ Черкасскаго переноситъ этотъ выборъ на соединенное присутствіе вышняго и нижняго правительствъ.

Далеко не во всѣхъ проектахъ видно широкое пониманіе дѣла, тогдашнее дворянство было весьма не лестнаго о себѣ мнѣнія. Оно въ большинствѣ добровольно передастъ существенное вліяніе въ руки родословныхъ. Мы не согласны, чтобы даже такъ называемые крайніе были честолюбивы; только проекты Черкасскаго и Матюшкина стоятъ сравнительно на высотѣ положенія; въ нихъ шляхетство является охранителемъ интересовъ всѣхъ остальныхъ сословій (стр. 177). Въ нихъ оно, дѣйствительно заботясь объ общенародныхъ интересахъ, не только касается положенія купцовъ, крестьянъ, офицеровъ и солдатъ, но говоритъ о необходимости распространенія образованія, упоминая между прочимъ о вредѣ тайной канцеляріи. Но шляхетство всегда и вездѣ требуетъ слѣдующаго: 1) опредѣлить срокъ военной службы не свыше 20 лѣтъ и измѣнить порядокъ ея прохожденія, при чемъ большинство проситъ открытія военныхъ и морскихъ училищъ; 2) отмѣнить обязательное поступленіе въ матросы и обученіе ремесламъ,—это протестъ противъ петровскихъ ненавистныхъ новшествъ; 3) улучшить бытъ офицеровъ и солдатъ; 4) замѣнить законъ майората, изданный въ 1714 г., новыми правилами, или возстановивъ дѣйствіе уложенія по сему предмету, или же предоставить раздѣлъ волѣ родителей.

Такъ ограничены были помыслы и интересы шляхетства. При этомъ, сознается самъ г. Корсаковъ, проекты написаны второпяхъ, неряпливо. «На поданные шляхетскіе проекты мы не можемъ смотрѣть, говоритъ онъ, какъ на законченную программу политическихъ требованій шляхетства, а должны относиться къ нимъ, какъ къ конспектамъ, наброскамъ, эскизамъ его дѣйствительныхъ желаній и намѣреній» (с. 149). Совершенно справедливо. Потому, зачѣмъ поднимать столько шума изъ ничего; зачѣмъ съ такою кропотливостью, достойною лучшаго примѣненія, изслѣдовать разницу редакцій, будто въ самомъ дѣлѣ въ нихъ можетъ быть что нибудь серьезное и будто

смыслъ измѣнится отъ разныхъ «токмо», «понеже» и «какоже» разныхъ Секіотовыхъ и К°. Дѣло въ самой сущности ихъ желаній, которыя и остались ничѣмъ инымъ какъ pia desideria.

При первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью наше дворянство оказалось неспособнымъ къ политической дѣятельности. Это объясняется привычкой къ опекѣ, о которой такъ много говорилъ въ свое время Бокль. Не было въ исторіи примѣра, чтобы общество, отрѣшенное отъ политической самодѣятельности, само сразу стало на ноги. Такіе фокусы показываютъ не въ исторической жизни, а только въ театрѣ маріонетокъ, но разныя желанія, идеальные порывы, объясняемые болѣе или менѣе и воспоминаніемъ прошлаго, и сознаніемъ дѣйствительной необходимости государственныхъ перемѣнъ, все это было даже съ избыткомъ. Чтобы шляхетскіе проекты, хотя не надолго, осуществились, необходимы были среди дворянства опытные политическіе руководители, а ихъ не могла дать русская жизнь, необходимо было единство дѣйствій и намѣреній, а тутъ сказалась славянская рознь. Вожди были лишь у верховниковъ, потому что родословные вельможи издавна стояли у государственной практики; предки нѣкоторыхъ изъ нихъ приговаривали въ Думѣ. Потому только они и вели дѣло, хотя натворили крупныя и можетъ быть роковыя ошибки.

Рядомъ съ либеральнымъ движеніемъ существовало другое направленіе. Оно проявилось въ недовольствѣ высшаго духовенства, въ настроеніи гвардейскихъ офицеровъ и солдатъ. Первое было обойдено, даже оскорблено; вторые по опыту знали на сколько выгоденъ прежній порядокъ и на сколько не удобно быть въ зависимости не только отъ равныхъ себѣ, но даже отъ родословныхъ. Главная ошибка верховниковъ заключалась въ томъ, что они игнорировали вліяніе духовенства и практическую силу гвардіи. Напрасно авторъ разбираемой книги сваливаетъ все на крутой характеръ князя Д. М. Голицына, на общую, ископную ненависть шляхетства и, прибавимъ, всего народа—къ фамиліи Долгорукихъ, хотя тутъ же говоритъ объ уступкахъ, сдѣланныхъ тѣмъ и другимъ.

Курляндскіе друзья и совѣтники императрицы были гораздо искуснѣе русскихъ верховниковъ. Герцогиня получила въ Митавѣ практическія указанія. По прибытіи въ подмосковное село Всесвятское, она, лаская гвардію, назвалась полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ Кавалергардовъ.

«Это было принято обоими полками съ величайшею радостью и удовольствіемъ, замѣчаетъ де-Лиріи. Такая рѣшимость многихъ и

разила, потому что это былъ формальный актъ самодержавія». — Опираясь на гвардію, легко было отринуть всѣ «затѣйки» верховниковъ и прожекты шляхетства. Нельзя не признать, что новая императрица въ своихъ самодержавныхъ интересахъ дѣйствовала съ тактомъ. Въ отвѣтной рѣчи верховникамъ, которую г. Корсаковъ цитуетъ по Вестфалену и которую въ одномъ мѣстѣ переводитъ (с. 242) не совсѣмъ точно (pour regner sur vous—пропущено), Анна Іоанновна упомянула объ избраніи и о кондиціяхъ. Она торжественно обѣщала, что будетъ хранить ихъ свято (très religieusement) до самой смерти, но въ надеждѣ что и предложившіе ихъ не выдутъ изъ границъ долга и вѣрности относительно ея и отечества, «котораго благо должно составлять единственную цѣль нашихъ усилій и трудовъ» (Прил. с. 78). Такимъ образомъ, самое обѣщаніе было не безъ оговорокъ. Въ Москвѣ, императрица добровольно отдается подъ надзоръ В. Л. Долгорукаго, а между тѣмъ черезъ посредство окружающихъ женщинъ сносится съ Остерманомъ и энергичнымъ врагомъ верховниковъ, Ѳеофаномъ. Въ спеціальной монографіи г. Корсаковъ пропускаетъ такой интересный фактъ, что Анна отказалась явиться въ Совѣтъ для принесенія присяги въ исполненіи обязательствъ, о чемъ упоминаетъ Лефортъ въ депешѣ отъ 13 марта 1730 г. (Сб. Р. Ист. Общ. V, 367). — «Мнѣ мало быть избранной восемью лицами», говорила она. — А къ тому времени среди шляхтества назрѣли мысли, невыгодныя для верховниковъ. Императрица въ пеленкахъ ребенка Бирона, къ которому она питала особенную нѣжность, находила записки, гдѣ читала обо всемъ, что дѣлается среди недовольныхъ въ ея пользу. Она знала, что 25 февраля придетъ масса дворянъ заявить ей о своемъ недовольствѣ навязанными императрицѣ условіями. Окруживъ себя преданной гвардіей, не смотря на ревнивый дозоръ В. Л. Долгорукаго, она ждала, что шляхетство съ кн. Черкасскимъ во главѣ предложитъ ей самодержавіе.

Это и случилось, хотя съ значительными оговорками. Въ домахъ князей Барятинскаго и Черкасскаго, обойденныхъ верховниками, шли толки и дѣлались приготовленія съ самаго пріѣзда императрицы. Два писателя, князья Антіохъ Кантеміръ и Татищевъ, были душою этого движенія противъ верховниковъ. Ошибочно думать, что отсюда шло безусловное возстановленіе самодержавія. Шляхетство, болѣе или менѣе крупное, даже сановитое, еще раньше высказавшееся въ проектахъ, не могло въ свою очередь не воспользоваться обстоятельствами для него выгодными. Если оно, завидуя верховникамъ, шло противъ ихъ кондицій, то сознавало необходимость измѣненій въ государ-

ственномъ строѣ, болѣе зрѣлыхъ и обдуманныхъ выборными людьми. Не восемь человѣкъ должны дать новый порядокъ Россіи, а большинство шляхетства съ генералитетомъ и офицерами. Выборные по одному или по два изъ каждой фамиліи должны большинствомъ голосовъ «опредѣлить форму правленія государственнаго и представить о томъ государынѣ». Въ этомъ и состояла челобитная, поданная 25 февраля, несмотря на противодѣйствія и ухищренія верховниковъ. Императрица этого не ожидала. Она видимо была недовольна, смутилась, но, побуждаемая сестрою Екатериною, согласилась.—«Учинить по сему», написала она на подлинникѣ, котораго почему-то нѣтъ въ архивахъ. Она, если вѣрить депешѣ Мардефельда, на словахъ передала шляхетству желаніе въ тотъ же день слышать его рѣшеніе. Это было выраженіе скрытаго негодованія. Не могли же подавшіе петицію предрѣшить что скажетъ шляхетская палата, которую они предлагали созвать. Но у Анны Іоанновны были преданные друзья среди гвардіи, которою командовалъ въ этотъ день во дворцѣ подполковникъ Семенъ Салтыковъ, родственникъ императрицы. Съ нимъ она, вѣроятно, условилась во всемъ. Но это намекаютъ Маньенъ и де-Бюсса (La cour de Russie, 36). Несомнѣнно, что Салтыковъ первый провозгласилъ императрицу самодержавною. За нимъ закричали офицеры и солдаты. Большая часть дворянъ—а ихъ собралось было болѣе 500 человѣкъ—разошлись.—Оставшіеся, въ количествѣ 166, были запуганы вооруженными гвардейцами. Верховники обѣдали съ императрицею, конечно, съ плохимъ аппетитомъ; они чувствовали, что все потеряно. По словамъ Вестфалена (о чемъ въ текстѣ авторъ умалчиваетъ) первый Черпышевъ, вѣроятно, Григорій Петровичъ, подписавшійся подъ двумя либеральными проектами, предложилъ теперь просить императрицу воспринять самодержавіе. Всѣ согласились, на сколько искренне,—неизвѣстно. Будущій сатирикъ сочинилъ краснорѣчивѣйшее прошеніе, которое подалъ кн. Трубецкой отъ лица россійскаго шляхетства, а, по словамъ Фиссльдека (II,—24), графъ Матвѣевъ. Въ немъ «всепокорнѣйшіе рабы, не желая быть неблагодарными», били челомъ и всепокорно просили императрицу «всемилостивѣйше принять самодержавство». Но и тутъ были оговорки, хотя и не существенныя, которыя легко было обойти. Челобитчики просили возстановить правительствующій сенатъ вмѣсто верховнаго тайнаго совѣта и высокаго сената, какъ было при Петрѣ I. съ тѣмъ, чтобы сенаторы, а также губернаторы были избираемы черезъ баллотированье шляхетствомъ. Они дерзнули намекнуть между прочимъ на правосудіе и облегченіе податей, разсчитывая также на «природное ея

величества благоутробіе». Никто не мѣшалъ челобитчикамъ желать и большаго въ болѣе или менѣе краснорѣчивой формѣ. Но суть была въ томъ, что все отдавалось на волю императрицѣ:—«всеподданнѣйше просимъ, гласили челобитчики, чтобы по вашему всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить».

Только это и требовалось. Императрица распорядилась, какъ слѣдуетъ. Она стала вдругъ неузнаваема. Откуда взялась энергія, рѣшительность. Она съ ироніей обратилась къ верховникамъ и спрашивала ихъ согласія и позволенія отречься отъ своихъ обѣщаній. Тѣ склонили свои сѣдыя головы въ знакъ невольнаго согласія. Затѣмъ, она потребовала кондиціи, и тутъ-же, «при всемъ народѣ», надорвала до конца полулистъ, на которомъ онѣ были написаны. Затѣмъ,—настало общее ликованіе. Вельможи, сановники, офицеры и дворяне—всѣ поздравляли другъ друга. Затѣмъ стала клапяться Анна Іоанновна, клапялось шляхетство, клапялись верховники и только, кажется, одинъ князь Д. М. Голицынъ не клапялся. Затѣмъ, былъ уничтоженъ верховный тайный совѣтъ и возстановленъ сенатъ болѣе по имени. А затѣмъ... Затѣмъ пріѣхалъ Биронъ!..

Такъ кончилась эта трагикомедія. Эпилогъ ея насталъ черезъ девять лѣтъ, когда совершена была смертная расправа надъ главнымъ «затѣйщикомъ» В. Л. Долгорукимъ.

Но вернемся къ разбираемой книгѣ.

Минуя нѣкоторые промахи и недостатки въ этюдѣ г. Корсакова, остановимся только на двухъ весьма важныхъ мѣстахъ, гдѣ мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ.

Г. Корсаковъ хотѣлъ дать по возможности полную характеристику Анны Іоанновны во II главѣ своей книги. Отъ изслѣдователя, который долго, если не исключительно въ послѣднее время занимался ея царствованіемъ (г. Корсаковъ написалъ талантливый очеркъ жизни Волынскаго), мы въ правѣ ожидать достаточно установившагося и притомъ вѣрнаго взгляда не только на личность этой императрицы, но и на общій историческій характеръ того періода. Къ сожалѣнію, мы не видимъ этого въ разбираемой книгѣ. Тѣ мѣста ея, въ которыхъ авторъ успѣлъ высказаться въ этомъ отношеніи, показываютъ, что взглядъ его, при всей оригинальности, не согласуется съ исторической дѣйствительностью. Автору потребовалось защитить личность Анны Іоанновны, но въ то же время факты на столько ясны, что сами обличаютъ усилія нашего изслѣдователя. Къ тому же, г. Корсаковъ не совсѣмъ ловкій адвокатъ. Подобно тому, какъ въ харак-

теристикѣ князя Д. М. Голицына, авторъ, начавъ съ одного, кончилъ другимъ, такъ и говоря объ Аннѣ Іоанновнѣ, онъ балансируетъ добровольно между противоположными заключеніями. Г. Корсакову желательно убѣдить читателя, что Анна Іоанновна была одарена отъ природы «чувствительнымъ сердцемъ и здравымъ умомъ» (стр. 62); для этого приводятся ссылки на оффиціальные отзывы лицъ, знавшихъ ее лично. Тутъ фигурируютъ два Миниха, де-Лиріа, Берхгольцъ, Манштейнъ. Не знаемъ на сколько точно эти авторитеты опредѣлили врожденныя качества Анны Іоанновны, но смѣемъ думать, что до сихъ поръ объ историческихъ дѣятеляхъ судили по фактамъ и поступкамъ, а не по тѣмъ предполагаемымъ качествамъ, коими они были одарены отъ природы. Такой пріемъ не только не вытекаетъ изъ требованій научныхъ, но проливаетъ искуственный, фальшивый свѣтъ на извѣстную личность, хотя бы Анна Іоанновна унаслѣдовала свойства своего дяди, царя Алексѣя. У каждаго, конечно, свои вкусы, но врядъ ли кто серьезно повѣритъ въ чувствительность сердца этой императрицы. Тѣмъ менѣе можно бы этого ожидать отъ г. Корсакова, который читалъ сыскныя дѣла того времени. Такъ какъ доказать свое предположеніе г. Корсасовъ не можетъ, то сейчасъ же рядъ оговорокъ и поѣздокъ въ область фантазіи. Анна Іоанновна была-де изломана жизнію, хотя это никому неизвѣстно. Въ самомъ дѣлѣ, какой прекрасный предлогъ и вмѣстѣ какой легкій способъ оправдать кого и что угодно. «Природныя качества не получили должнаго развитія, но были извращены, изуродованы, повѣствуетъ нашъ авторъ; умъ не былъ обогащенъ образованіемъ и облагороженъ воспитаніемъ; чувство подвергалось съ молодыхъ лѣтъ оскорбленіямъ» (стр. § 8). Въ концѣ концовъ, пожалуй, императрица не при чемъ. За ней даже остаются положительно хорошія качества; ихъ не преминулъ доискаться нашъ авторъ въ перепискѣ съ С. Салтыковымъ (Чт. Общ. И. и Древн. 1878, кн. 1) и посвятилъ имъ не одну страницу. У ней много иронiи и юмора (стр. 60) вѣроятно по отношенію къ вельможнымъ и всякимъ другимъ «шутамъ», а равно по устройству «Ледяного дома» — хотя этотъ юморъ въ необдѣланной формѣ; она домовитая хозяйка и торгуется при покупкахъ, она заботится объ обогащеніи Сергіевской Лавры и помѣщеніи туда бѣдныхъ и убогихъ старушекъ, она чтитъ своего духовника и проявляетъ тому подобныя добродѣтели (стр. 63). Спрашивается, это-ли не доказательства, особенно если они взяты изъ писемъ самой императрицы? Мы не будемъ говорить о нравственномъ судѣ исторіи, объ обязанностяхъ историка при оцѣнкѣ извѣстной личности, но спросимъ г. Корсакова, къ чему ему понадобились эти до-

воды? Автора смущаетъ одно обстоятельство—это сближеніе императрицы съ Биропомъ,—но, не много подумавъ, онъ и тутъ нашелся. Вѣдь «ей въ то время было 34 года—молодость ея прошла. Что же мудренаго, что она около этого времени сблизилась съ однимъ изъ придворныхъ» (стр. 69). И въ самомъ дѣлѣ—что же удивительнаго: вѣдь цѣлыхъ 34 года, и нашъ авторъ, забывая болѣе ранняго фаворита, думаетъ что этою... моралью все сказано. Кстати—Бironъ, чѣмъ онъ хуже другихъ? Несомнѣнно онъ имѣлъ вліяніе на императрицу хорошее—и вотъ г. Корсаковъ не считаетъ своей обязанности исполненною, если не отстоитъ и Бирона, но опять таки по своему, т. е. сперва похвалитъ, а потомъ осудитъ. Оказывается, что Бironъ оклеветанъ и въ происхожденіи, и въ грубости, и въ чудовищной жестокости, оклеветанъ, по мнѣнію г. Корсакова, безвинно, на основаніи сомнительныхъ данныхъ (стр. 69), хотя самъ авторъ не приводитъ никакихъ существенныхъ данныхъ, а ссылается только на панегирикъ Гемпеля, вышедшій въ 1742 году. У Бирона г. Корсаковъ открылъ только французскимъ языкомъ выражаемое: — ésprit de conduite и savoir vivre, нѣчто въ родѣ житейской ловкости, а равно и уваженіе къ ученымъ. Но, давъ вздохнуть тѣни Бирона, нашъ авторъ вдругъ обрушился на оклеветанную жертву. Оказывается, что «безъ понятій о чести, безъ сознанія долга, Бironъ пробивалъ себѣ дорогу въ жизни съ своекорыстіемъ мелкаго эгоиста, онъ былъ человѣкъ безъ сердца; впослѣдствіи изъ безсердечія развилась въ немъ жестокость» и т. д. (с. 70). Что нибудь одно: оклеветанъ былъ Бironъ или нѣтъ; кажется здѣсь мало мѣста для сомнѣній. За то въ иныхъ случаяхъ желательно менѣе довѣрчивости къ слухамъ со стороны автора. Г. Корсаковъ пишетъ о томъ, чего въ дѣйствительности еще никто не зналъ. Ему извѣстно, напримѣръ, по молвѣ современниковъ, что царь Іоаннъ Алексѣевичъ скоро (!) уступилъ свои супружескія права нѣкоему Юшкову, управлявшему имѣніями царицы Прасковьи. Отсюда каждый можетъ заключить, что ему угодно. Если эти соображенія не есть плодъ творчества, то необходимы цитаты при подобныхъ открытіяхъ.

Ссылки также нужны тамъ, гдѣ авторъ дѣлаетъ легкія экскурсіи въ политическую область. Мы никакъ не можемъ себѣ представить, чтобы спеціалистъ по исторіи царствованія Анны Іоанновны не зналъ существенныхъ событій этого времени и политическаго значенія его какъ для русской, такъ и для всеобщей исторіи. Потому мы совершенно недоумѣваемъ передъ стр. 302. «Правителями стали нѣмцы, говоритъ г. Корсаковъ. Московское царство, преобразованное Петромъ

въ россійскую имперію, превращается въ третьестепенное нѣмецкое герцогство... Европейская дипломатія хозяйничаетъ въ Петербургѣ, какъ у себя дома и во внѣшней политикѣ петербургскій кабинетъ всецѣло зависитъ отъ капризнаго воззрѣнія нѣмецкаго цесаря». Что слова о герцогствѣ, да еще третьестепенномъ, не есть только случайная фраза, потребовавшаяся ради мѣткой характеристики, но болѣе или менѣе основная мысль,—въ этомъ убѣждаемся изъ «Отчета о занятіяхъ г. Корсакова» (стр. 6), откуда въ «Воцареніе» цѣликомъ вошелъ общій взглядъ на послѣ-петровскую эпоху. Остается думать, что г. Корсаковъ не признаетъ тѣхъ фактовъ изъ исторіи царствованія Анны, которые общеизвѣстны и вошли въ учебники, что онъ отрицаетъ таковые. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо подѣлиться съ русскими и иностранными историками открытіями въ этой области. А пока мы продолжаемъ вѣрить вмѣстѣ со всѣми, что Россія вовсе не пала такъ низко при Аннѣ Іоанновнѣ, какъ угодно фантазировать г. Корсакову и вовсе не ходила по стрункѣ «капризнаго цесаря». Подъ этимъ цесаремъ, конечно, разумѣется императоръ Карлъ VI, который самъ былъ орудіемъ другихъ. Мы позволимъ себѣ рекомендовать вниманію г. Корсакова для изученія личности Карла VI старое соч. Фоскарини (Arcane memorie del regno di Carolo VI), а для фактической стороны, минуя рядъ другихъ, классическій трудъ Шлоссера. Въ «Исторіи XVIII столѣтія» знаменитый историкъ, отзывы котораго по этой эпохѣ не перестали быть компетентными тамъ, гдѣ не найдено новыхъ документовъ, говоритъ, что тогда «имя Россіи было грозою на Востокѣ и на Западѣ». А другой нѣмецкій историкъ Германъ въ «Исторіи Россіи» рѣшительно утверждаетъ, что «Австрія по своей близорукости отдала Польшу подъ безусловное вліяніе русской императрицы» и что настоящее польское правительство было въ Петербургѣ. Такъ, кажется, не случается съ третьестепенными герцогствами. Правда, нашей внѣшней политикою руководили нѣмцы, но что же изъ этого? Довольно вспомнить про польскія дѣла, для чего есть богатая литература. Въ царствованіе Анны Іоанновны Остерманъ дѣйствуетъ въ русскихъ національныхъ интересахъ и направляетъ нашу внѣшнюю политику въ томъ духѣ, который послѣ придала ей Екатерина II. Онъ чуть не заработался до смерти, говоритъ по этому поводу Лефортъ. Стоитъ изучить его ноту, врученную саксонскому посланнику графу Линару 17 декабря 1734 г. по польскимъ дѣламъ, послѣ русскихъ побѣдъ, послѣ водворенія Августа III и послѣ взятія Данцига,—чтобы перестать фантазировать на этотъ счетъ. Эта нота

написана въ Петербургѣ и ручается за солидарность вѣнскаго двора. Русская дипломатія старалась тогда сѣять раздоръ между магнатами и диссидентами съ тѣмъ чтобы послѣ имѣть случай поддержать послѣднихъ. По варшавскому же договору 1735 г. выгорожены права диссидентовъ подъ извѣстными условіями, которыя въ послѣдствіи измѣнила Екатерина II. Все это, кажется, безспорные факты.

Не менѣе достовѣрно рѣшительное участіе Россіи въ западныхъ дѣлахъ. Священная имперія была потрясена внутренними и внѣшними врагами. Четыре курфирста было за Францію; въ началѣ 1734 г. испанцы завоевали у Австріи Сицилію и Неаполь, а французы и сардинцы Миланское герцогство. Послѣ паденія Филипсбурга, «капризный цесарь» обратился за помощью къ Россіи и въ маѣ слѣдующаго года русскія войска стоятъ на Рейнѣ. Одно появленіе ихъ содѣйствовало переговорамъ, которые закончились Вѣнскимъ трактатомъ 1738 г., важнымъ для передѣловъ въ Италіи. Затѣмъ, не Россія дѣйствуетъ по указаніямъ изъ Вѣны, а наоборотъ. Россія, настоявъ на возобновленіи союзнаго договора, втягиваетъ Австрію, какъ союзницу, въ войну съ Турціей, которая началась въ 1736 г. и которую нѣмецкіе же историки считаютъ вполнѣ національной съ русской точки зрѣнія, какъ возобновленіе плановъ Петра I.

Къ чему послѣ этого, пѣть фантазіи на минорныя темы? Вѣдь изъ этихъ фантазій можетъ выйти фуга, если другіе начнутъ повторять обмолвку автора, какъ и случилось съ рецензентомъ «Древней и Новой Россіи», который реферируя книгу г. Корсакова, заразъ восхитился и этой оригинальной ошибкой.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ. Мы не умаляемъ доли пользы отъ розысканій г. Корсакова въ архивахъ, но и не хотимъ ее неумѣренно преувеличивать. Suum cuique. Мы желали бы, чтобы труды почтеннаго изслѣдователя направлены были на нѣчто болѣе содержательное, чѣмъ повтореніе подъ флагомъ архивовъ того, что въ существенномъ извѣстно, а въ подробностяхъ не представляетъ особаго научнаго интереса, особенно если самое изложеніе поставлено внѣ исторической связи. Г. Корсаковъ обладаетъ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ и способностью къ критическому изслѣдованію, но онъ не всегда стоитъ на научной почвѣ, какъ всѣ историки, которые избираютъ предметомъ изслѣдованія одну придворную хронику или работаютъ надъ частными вопросами. Русская новѣйшая исторіографія вовсе не такъ избалована чтобы архивныя работы направлялись на рѣшенныя темы и повторяли съ варіаціями старыя гаданія.

Тѣмъ менѣе желательно, чтобы изслѣдователи, которые берутся за монографію по архивнымъ документамъ, изолировали извѣстное историческое явленіе, отрѣшали его отъ общаго движенія, обращая его въ какой-то эпизодъ. Г. Корсаковъ, по его собственнымъ словамъ, отстраняя отъ себя всякое лишнее самолюбіе, искренно желаетъ лишь одного, строгаго и безпристрастнаго суда ученой и литературной критики. И если мы пытались произвести подобную оцѣнку, то именно имѣли въ виду это искреннее желаніе автора, высказанное съ такою благородною скромностью.

Н. Осокинъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Іюня 1881 года.
типографія и хромолитографія А. траншеля, стремянная, № 12.

2007111498